

ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ, ЗАМЕТКИ (с рабочего стола социолога)

©1995 г.

С.Б. БОРИСОВ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «ЧЕРНОГО ЮМОРА»

БОРИСОВ Сергей Борисович — кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук Шадринского государственного педагогического института. Неоднократно публиковался в нашем журнале.

Появление настоящей заметки вызвано статьей И.А. Бутенко «Из истории "черного юмора"» (Социол. исслед. 1994. № 11). Нельзя не приветствовать обращение автора (и журнала) к исследованию феномена «мерного юмора», однако названный материал создает, на мой взгляд, совершенно неверное представление о разработанности этой проблемы.

В статье полностью отсутствует библиографический обзор аналитических публикаций по проблеме «черного юмора». И.А. Бутенко ссылается только на публикации текстов (и, кстати, приводит совершенно не выверенные в текстологическом аспекте варианты). Возникает превратное впечатление, будто никто кроме И.А. Бутенко названий темой не занимался. В действительности же тема «черного юмора» в отечественной традиции разрабатывается весьма интенсивно.

Позволю себе сослаться на статью «Эстетика "черного юмора" в русской традиции» (сборник «Из истории русской эстетической мысли». СПб., 1993. С. 139—153) не потому, что являюсь ее автором, а потому что в ней сделана попытка действительно проследить историю появления «черного юмора» в отечественной мысли. И.А. Бутенко, дав название «Из истории...», об истории не сказала ни слова. Помимо этого, в моей статье имеется 44 ссылки: обширнейшая библиография отечественных публикаций, посвященных теме «черного юмора».

Предлагаю краткий перечень наиболее значительных публикаций, в которых анализировался данный феномен и без выявления отношения к которым просто неловко приступать к освещению проблемы «черного юмора» на страницах академического журнала:

М.Ю. Новицкая. Формы иронической поэзии в современной детской фольклорной традиции // Школьный быт и фольклор. Ч.1. Таллин, 1992.

С. 100—123. (Опыт жанровой классификации текстов «черного юмора», намечены фольклорные истоки. проанализировано более 60 «стихов».)

К.К. Немирович-Данченко. Наблюдения над структурой «садистских стишков» // Школьный быт и фольклор... С. 124—137. (Выделяются три парадигмы построения садистских стишков, приведено несколько десятков текстов.) В этой же книге дополнительная подборка 100 стихов.

О.Н. Сафонов. Современный детский фольклор. Традиции народной смеховой культуры // Дети и народные традиции: Материалы V Виноградских чтений. Челябинск, 1991. Ч. 1. С. 72—74.

С.В. Тихомиров. «Взрослые» лики детской страшилки // Мир детства и традиционная культура. Материалы III Виноградских чтений. М., 1990. С. 63—65.

С.В. Тихомиров. «Девочка в поле нашла ананас». Бредни и откровения детского фольклора // Дет. лит. 1990. С. 31—36.

Можно было бы принять ссылку какого-нибудь провинциального ученого на то, что данная литература ему недоступна. Но, во-первых, И.А. Бутенко доступны столичные библиотеки, а, во-вторых, журнал «Детская литература» выходит открыто и распространяется по всей стране. Следовательно, автору просто не хотелось утруждать себя поиском научных публикаций — ведь куда легче дать ссылку на субботнее приложение к газете «Московская правда» — совершенно недоступное серьезным исследователям издание, нежели обратиться к фондам научных библиотек.

Наконец, хотя цель моей реплики — лишь библиографическое введение социологов в проблему «черного юмора», не могу не сказать несколько слов относительно собственно социологической оснащенности статьи И.А. Бутенко.

Не сообщено, от кого записаны цитируемые тексты. А проблема эта принципиальная. Специалисты знают, что «садистские стихи» — это взрослый жанр в детском обличье, что «изобретен» он группой столичных интеллектуалов, что дети,

освоил массив текстов, могут (и успешно) сочинять садистские стишки, правда, они далеко не всегда выходят за пределы двора, класса и т.д.

Все сказанное совершенно обесмысливает анализ И.А. Бутенко: если тексты созданы взрослыми, то и анализировать нужно не детское сознание, а сознание взрослых. Ведь когда подростки повторяют неприличные частушки, где мир семейных (и не только) отношений переворачивается похлеще, чем в садистских частушках, мы не умо- заключаем, что дети думают так. как поется в частушках.

Если тексты частушек записывались от детей,

то не указано: все ли дети знают их, какой процент знает, но не исполняет и т.д.

Отсутствует анализ субъективного отношения детей к садистским частушкам («саядуюшкам», «саядистским стихам»); нет даже единичных интервью, не говоря уже о массовых опросах.

Что же вообще исследовано? Их сознание? Раздел детского фольклора? Раздел взрослого фольклора, ретранслируемый детьми? Культурологические составляющие случайно выбранных текстов по случайно избранному признаку? Или мы просто стали свидетелями интеллектуальной гимнастики на страницах журнала?